

Жизнь, похожая на коробку спичек

М.С.Сорокина,
кандидат исторических наук
Архив РАН
Москва

Вторая половина XX в. началась в СССР с «оттепели». Конец сталинской эпохи принес не только свежий ветер политических перемен, но вместе с ними открыл и новые жанры историко-научной литературы, где главным героем стал человек науки, его экзистенциальная и личная жизнь. Физики и лирики вдруг «засмеялись», а научные «открытия» и идеи стали приобретать вполне конкретные в своей исторической и жизненной наполненности имена. Особого качества это направление, конечно, достигло в советском кинематографе, который показал ученого, с одной стороны, как личность высокого духа и напряженного интеллекта, а с другой, как современника, которому ничто не чуждо. Чем была наполнена личная жизнь людей науки мрачных 30-х годов, мы знаем значительно хуже. Наша история как раз и повествует об этом.

Ее начало напоминает чудесную сказку о китайской принцессе, которую рассказывает один из «утомленных солнцем» Никиты Михалкова: далеко-далеко на востоке, в маленьком приграничном городке, жила-была девочка; когда она подросла, ее повезли учиться пению на далекий север — в бывшую столицу Российской Империи (когда-то Петербург, а в то время уже Петроград/Ленинград). Но вместо музыкальной карьеры девочку ждала иная будущность — ее научили экзотическому языку Стра-

ны восходящего солнца — японскому. С тех пор вся ее жизнь была посвящена этой прекрасной в своей необычности и недостижимости стране. Когда девочка выросла и стала преподавать японский язык, переводить тексты и составлять лингвистические словари, ее стали почтительно именовать Мариам (Марианна) Самойловна Цын (1904/05—2002).

Родившаяся в Чите, юная Мэри, как называли ее родные, в начале 1920-х переехала в Петроград/Ленинград при активном участии жены неприменного секретаря АН СССР индолога Сергея Федоровича Ольденбурга (1863—1934), Елены Григорьевны Ольденбург (1875—1955), которая еще многие годы преданно опекала девушку, знакомя с художественной и академической жизнью северной столицы. Некоторое время Мэри даже жила у Ольденбургов на Васильевском острове и общалась со всеми крупнейшими ориенталистами России, что в конечном итоге и предопределило выбор востоковедения как профессии. Она окончила Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ) и стала специализироваться по истории и литературе Японии, в чем главную роль сыграл ее научный руководитель и патрон — глава советской японоведческой школы, будущий академик АН СССР Николай Иосифович Конрад (1891—1970), с которым Марианна Цын дружила и сотрудничала всю жизнь. Вместе с ним она участвовала

в создании «Большого японо-русского словаря» и в 1970 г. была удостоена Государственной премии СССР (1970) [1].

Но это было уже «потом». А в 30—40-е годы судьба первых советских японистов оказалась глубоко трагичной. Уникальные, единственные в своем роде специалисты, владевшие редкими языками и страноведческими знаниями, все они участвовали в подготовке кадров советских востоковедов-практиков, большинство из которых находили свое применение в различных органах Коминтерна и разведке. Да и сами японисты, прежде всего как переводчики, были связаны со многими советскими силовыми структурами, что сыграло для них роковую роль во второй половине 1930-х, когда они были вовлече-

Р.Н.Ким в 30-е годы.

© Сорокина М.С., 2006

ны в водоворот сталинских политических репрессий. Так, из 12 человек выпуска ЛИЖВЯ, учившихся вместе с М.С.Цын, впоследствии не были арестованы только трое [2].

Марианна Цын в 30-е годы преподавала японский язык в Московском институте востоковедения и одновременно служила педагогом-переводчиком в НКВД. Ее другом, мужем и учителем стал в эти годы уже известный востоковед, соавтор писателя Бориса Пильняка, — Роман Николаевич Ким (1899—1967), автор публикуемой ниже юмористической драмы «Наказанный негодяй».

Комиксы, развлекательные рисунки с текстами, обыгрывавшие похождения суперменов, любовные треугольники, криминальные истории и приключения, впервые появились в американских газетах в 90-е годы XIX в., но самое яркое воплощение они получили через сорок лет в мультипликации Уолта Диснея. В СССР их считали низкой литературой и отвергали как тлетворное влияние массовой культуры Запада. По этой логике советских литературных энциклопедий любители «низкого» мгновенно превращались в подозрительных носителей буржуазности и потенциальных классовых врагов. Но Роман Ким был своего рода Юлианом Семеновым своего времени и совершенно не боялся подобных обвинений.

«Русский писатель-приключенец», как его называют в Интернете, Ким стал одним из родоначальников советского политического детектива. После Второй мировой войны одна за другой в журналах и отдельными изданиями выходили его повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне», «Девушка из Хиросимы», «Агент особого назначения», «Кобра под подушкой» и др., в духе «холодного» времени разоблачавшие подрывные механизмы империалистических разведок и злобные происки врагов мира. В своих произведениях,

события которых разворачивались, как правило, на Дальнем Востоке, Ким настолько точно и детально описывал азиатскую экзотику и деятельность спецслужб, что сразу чувствовалось — автор профессионально знаком и с тем, и с другим.

Действительно, Роман Ким был дальневосточным корейцем, родился во Владивостоке в весьма обеспеченной семье, детство и юность провел в Японии, где учился в Токийском университете Кэйо. После того, как в сентябре 1923 г. он едва не стал жертвой корейского погрома, вернулся в Россию, окончил Дальневосточный университет и в том же году начал преподавать китайский и японский языки в Москве — в Институте востоковедения им.Н.Нариманова, готовившем кадры тех самых новых советских востоковедов, о которых мы писали выше.

Человек огромной эрудиции и тонкого художественного вкуса, Ким дебютировал в художественной литературе в 1927 г., опубликовав 17 глосс-очерков под названием «Ноги к змее» как приложение к книге Бориса Пильняка «Корни японского солнца». Но, конечно, его главным вкладом в отечественную словесность стало открытие для России выдающегося японского писателя Акутагава Рюноске (1892—1927), с которым Ким был хорошо знаком и рассказы которого переводил. «Человеческая жизнь похожа на коробку спичек. Обращаться с ней серьезно — смешно. Обращаться несерьезно — опасно». Этот афоризм знаменитого японца вполне мог бы стать эпиграфом и к необычной жизни Романа Кима.

Как многие его современники на западе и востоке, он увлекался идеями коммунизма, пролетарского интернационализма и всеобщего социального равенства. В такт революционной музыке своего времени Ким писал статьи о японском фашизме и мечтал приблизить мировую революцию. Она, как

М.С.Цын на Лубянке за месяц до свободы. 1943 г.

Рисунок Ёсико Окада.

известно, так и не случилась, а вот молодой востоковед оказался сотрудником Иностранного отдела ГПУ.

Художница Наталья Семпер, в 30-е годы интересовавшаяся японским языком и культурой и вхожая в небольшую московскую общину левых японцев, оставила очень любопытные воспоминания об этой необычной и весьма скрытной среде и среди них краткий, но точный в своей художественной выразительности портрет Р.Кима тех лет: «Военный с «ромбом», сотрудник НКВД, притом оригинальный писатель <...> был всегда подтянут, холоден, вечно занят, так что виделись редко. У него было бледно-желтое интеллигентное лицо, тонкие черты <...> он жил в большой, уютной квартире против библиотеки имени И.С.Тургенева, женат был на внешне-типичной еврейке, поэтому трехлетний сын его имел самую неопределенную внешность» [3].

Ромбы НКВД не спасли Романа Кима: он был арестован 2 апреля 1937 г. Через две недели, 19 апреля, пришли и за его женой.

Все же судьба хранила наших японистов: сталинское «изоли-

ровать, но сохранить» в полной мере относилось к ним — в отличие от других специалистов, их заменить было просто нечем, и огромный дефицит знатоков японского языка в условиях надвигавшейся войны заставил советских руководителей приостановить истребление филологов. Если М.С.Цын как члена семьи изменника Родины отправили на несколько лет в концлагерь в Ухту, то самого Романа Николаевича, осужденного на 20 лет лишения свободы, посадили работать с японскими

текстами сначала в переводческо-спецпропагандистскую «шарашку» в Куйбышеве, а затем и вовсе вернули на Лубянку, где он занимался военными переводами в соседней с Н.И.Конрадом камере [4]. Более того, в 1942 г. Киму удалось доказать начальству потенциальную полезность жены-японистки и ее перевели из лагеря на Лубянку, а затем в 1943 освободили. Самого Кима выпустили только в конце 1945 г., после окончательной победы над японскими милитаристами.

Казалось бы, история завершилась удивительно благополучно для того времени. Однако за happy end ее участники заплатили страшную цену, потеряв сына. После этого они расстались, и жизнь каждого пошла своей самостоятельной дорогой.

Юмористическая драма «Наказанный негодяй», написанная доном Стервадором — Р.Н.Кимом — в середине 30-х годов, публикуется по копии, подаренной мне донной Марианной — М.С.Цын — в 1997 г.

Литература

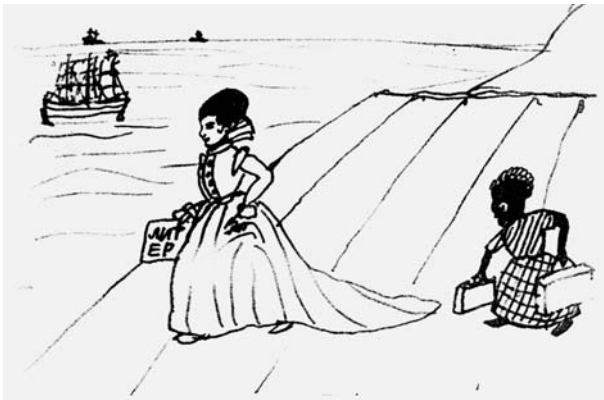
1. Вспоминает Марианна Самойловна Цын // Российские востоковеды: страницы памяти. М., 1998. С.106—116, а также: Конрад Н.И. Неизданные работы. Письма / Сост. М.Ю.Сорокина, А.О.Тамaziшвили. М., 1996.
2. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в СССР (1917—1991). СПб., 2003.
3. Toronto Slavic Quarterly. 2003. V.10.
4. <http://arcw.comptek.ru/company/uchtarka.html>

НАКАЗАННЫЙ НЕГОДЯЙ ДРАМА ИЗ ЖИЗНИ ИСПАНСКИХ АРИСТОКРАТОВ

ДОН РОМЕО СТЕРВАДОР ОТЧАЯННО ТИРАНИЛ СВОЮ ПРЕКРАСНУЮ СУПРУГУ ДОННУ МАРИАННУ.

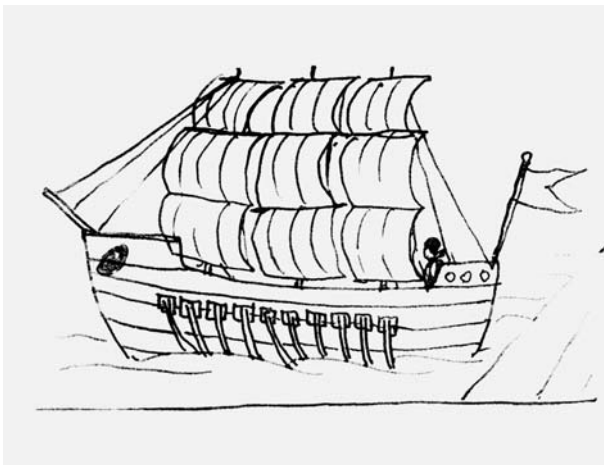

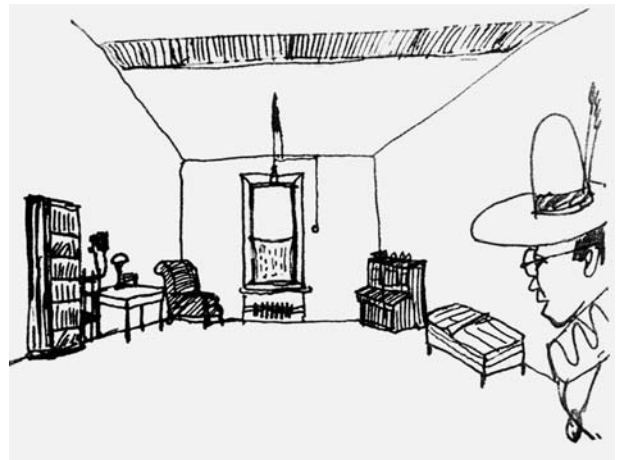
НЕ МОГШИ ВЫНЕСТИ СВОЛОЧНОЙ ХАРАКТЕР ГНУСНОГО ГИДАЛЬГО, ДОННА МАРИАННА РЕШИЛА УЕХАТЬ НА ТРИ ГОДА К СВОЕЙ ПОДРУГЕ — ДОННЕ РИТЕ САН-СТЕФАНО, ВЛАДЕЛИЦЕ ЗАМКА ДЕЛЬ-ТУБИНТО НА ОСТРОВЕ МАДАГАСКАРЕ.

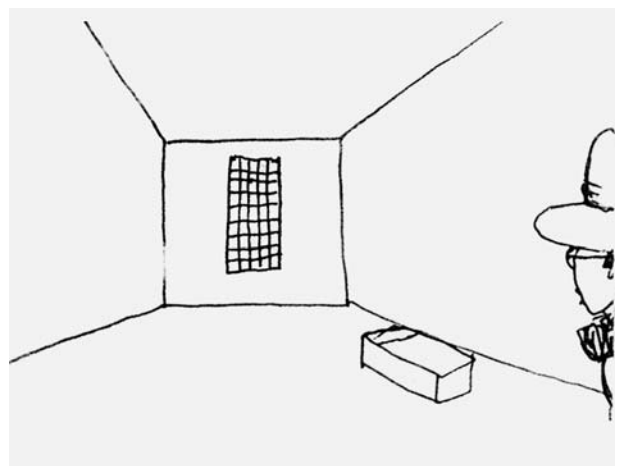
А ДОН РОМЕО В ДЕНЬ ОТЪЕЗДА СВОЕЙ СУПРУГИ ПОЕХАЛ НА ОХОТУ В СВОЕ ПОМЕСТЬЕ КОЛОНИО ДЕ КРИУКОВИО.

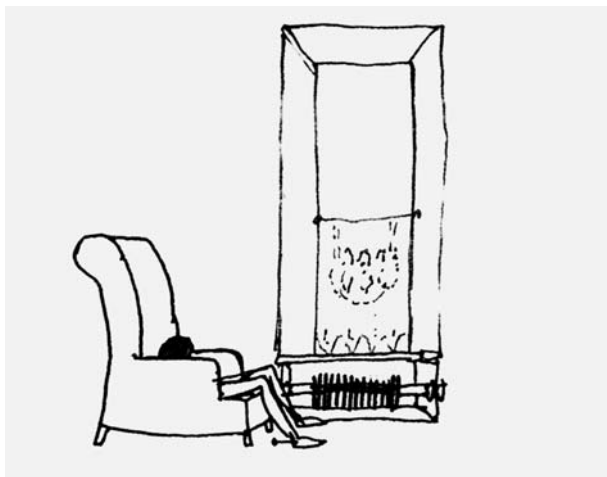

ПРЕДАННАЯ ДОННЕ МАРИАННЕ НЕГРИТЯНКА — РАБЫНЯ ПАРАНЕЛЛА ПРОЛИВАЛА ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ НА МАДРИДСКОЙ ПРИСТАНИ.

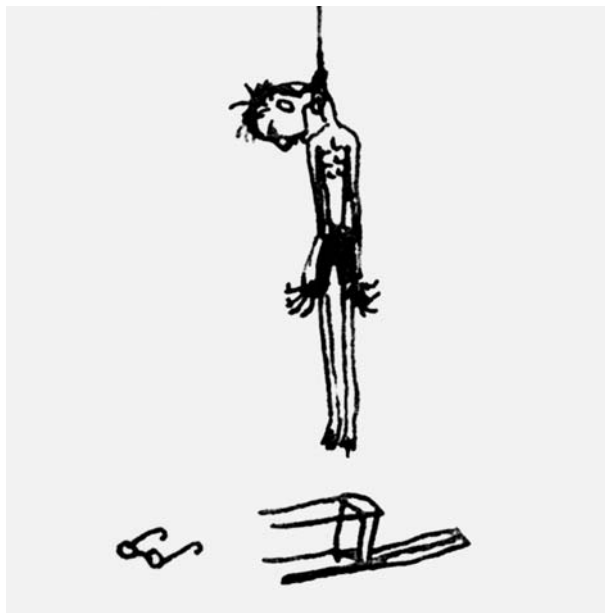

ВЕРНУВШИСЬ С ОХОТЫ, ДОН РОМЕО ВДРУГ ПОЧУВСТВОВАЛ ОТЧАЯННУЮ ТОСКУ. РОСКОШНОЕ ПАЛАЦЦО НА УЛИЦЕ ТВЕРБУЛИОС, В ЦЕНТРЕ МАДРИДА (ОКОЛО ПАМЯТНИКА СЕРВАНТЕСУ), ПОКАЗАЛОСЬ ПУСТЫННЫМ И МРАЧНЫМ.

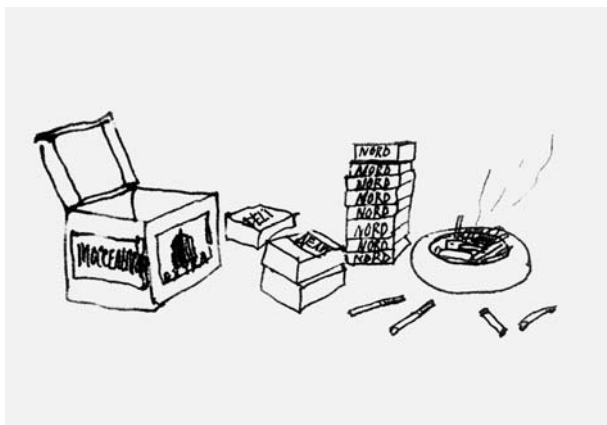

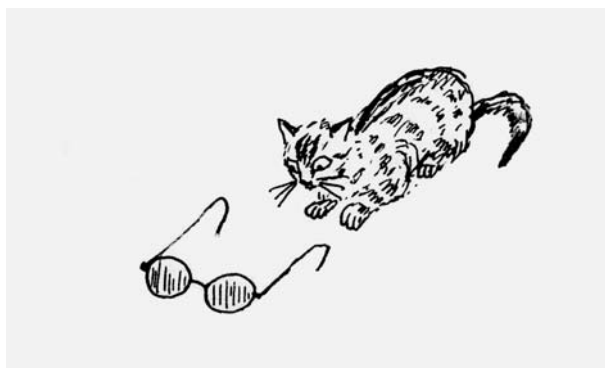
ДОН РОМЕО СТАЛ ДИКО ТОСКОВАТЬ, СИДЯ
В СВОЕМ ЛЮБИМОМ КРЕСЛЕ.

И В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ...

ОН СТАЛ ПРИБЕГАТЬ К НАРКОТИКАМ.

А ДОННА МАРИАННА НАСЛАЖДАЛАСЬ
ПРИРОДОЙ МАДАГАСКАРА ПОД ЯРКИМИ
ЛУЧАМИ ЭКВАТОРИАЛЬНОГО СОЛНЦА.
ВСЕ ОФИЦЕРЫ МЕСТНОГО ГАРНИЗОНА
ПЕРЕДРАЛИСЬ НА ДУЭЛИ ИЗ-ЗА НЕЕ.

ВСКОРЕ ОТ ТОСКИ ОН ПОТЕРЯЛ ПОЧТИ ВСЕ
КИЛО.

КОНЕЦ.